

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

ДЕЛО № 12-018

КГБ
ПОСЛЕДНИЙ
АРГУМЕНТ

И.Г. Атаманенко

(год)

ХРАНИТЬ вечно ЛЕТ

Гриф секретности снят

Игорь Атаманенко

КГБ. Последний аргумент

«ВЕЧЕ»

2012

Атаманенко И. Г.

КГБ. Последний аргумент / И. Г. Атаманенко — «ВЕЧЕ»,
2012 — (Гриф секретности снят)

В книге профессионального контрразведчика и литератора рассмотрению подвергнуты основные способы секретного агентурного внедрения в разработку объекта (САВРО), которые в последней трети XX века использовались главными спецслужбами планеты – КГБ и ЦРУ. На основе впечатляющего фактического материала показана роль «композиторов» оперативных разработок – офицеров-агентуристов и добровольных исполнителей их композиций – секретных агентов. Книга рассчитана на массового читателя.

© Атаманенко И. Г., 2012

© ВЕЧЕ, 2012

Содержание

Предисловие	6
Часть первая. Подстава	7
Семинар первый. Руководитель генерал-майор Козлов Л. И.	7
«Медовая ловушка» для посла. Игры патриотов	7
От подставы – к «медовой ловушке»	9
Плата по кредиту	10
Король розыгрышей	12
Конец ознакомительного фрагмента.	19

И. Г. Атаманенко

КГБ. Последний аргумент

©Атаманенко И.Г., 2012

©ООО «Издательство «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Моим наставникам-чекистам Вартаняну Геворку, Рожкову
Геннадью, Козлову Леониду
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

Предисловие

«Слава скаковой лошади достается жокею» – это об офицерах-вербовщиках и секретных агентах. Действительно, о разведчиках и контрразведчиках изданы монографии книг, но что мы знаем об их негласных помощниках? А ведь с библейских времен они были и остаются основной ударной силой любой спецслужбы. Их много. Их сорок сороков. Среди них принцы и дипломаты, адвокаты и аферисты, ученые и спортсмены, писатели и артисты – люди разных национальностей, возрастов, вероисповеданий и сексуальной ориентации. Разумеется, речь идет не только о мужчинах, но и о женщинах. И все они, заложив тело и душу спецслужбе, под руководством своих операторов «таскают каштаны из огня» – добывают информацию, – ибо тот, кто ею владеет, властвует миром.

В книге, которая у вас в руках, с ошеломляющей откровенностью показан мир шпионажа и контршпионажа, где офицеры спецслужб – композиторы, а секретные агенты – исполнители их композиций. Последние, не будучи профессиональными служителями Мельпомены, с ролями, назначенными их операторами, справляются не на сцене – в жизни даже лучше, чем те, кто овладел системой Станиславского. Уж они-то могут сказать о себе:

«Что наша жизнь? Игра. В шпионы!»

От этих «актеров по жизни», от их таланта лицедеев зависит успех операций по **секретному агентурному внедрению в разработку объекта** (САВРО), будь то подстава, ввод или компрометация. Другими словами, они обеспечивают кассовый сбор «спектаклям без цветов и оаций», а скупые аплодисменты под занавес если и раздаются, то лишь в тиши ведомственных кабинетов на Темзе, Лубянке, на Хоросhevском шоссе или на Потомаке...

«Ищите женщину!» — говорили французские летописцы, пытаясь найти скрытую пружину истории в страстях человеческих, в непреходящем влечении мужчины к женщине.

«Ищите агента!» – так можно объяснить сегодня многие загадочные поступки людей и события, отмеченные десницей полтергейста. Искусство секретного агентурного внедрения в разработку объекта – это не глушение рыбы динамитом, а состязание изошрэнных интеллектов. При этом участникам этих состязаний иногда приходится переступить через себя, демонстрируя моветон.

Всё, что сегодня в деятельности секретных служб вам кажется невероятным, станет очевидным по прочтении этой, без преувеличения, сенсационной книги. А чтобы упредить ваши возможные упреки в натурализме сцен и цинизме фигурантов – секретных агентов и их операторов, – цитирую кардинала от шпионажа директора ЦРУ Аллена Даллеса:

«Разведка и контрразведка в скрытом противоборстве действуют отнюдь не в духе рыцарских турниров. Они взывают к самым низменным страстям и устремлениям и успешно ими используются. В этом – их высший разум. На войне, как на войне, – для достижения результата все средства хороши, когда они наносят урон противнику, даже если и выглядят неэстетично...»

Часть первая. Подстава

Семинар первый. Руководитель генерал-майор Козлов Л. И.

Открывая учебный год на Курсах усовершенствования оперативного состава (КУОС) при Ленинградской школе КГБ, перед молодыми контрразведчиками выступил начальник Отдельной службы генерал-майор Козлов Леонид Иосифович.

– Товарищи офицеры! В ходе занятия я, используя фактический материал, продемонстрирую вам, как на практике реализуется один из оперативных приёмов секретного агентурного внедрения в разработку объекта (САВРО) – подстава.

Рассматривая возможные варианты САВРО, профессионалы приходят к выводу, что оптимальным является подстава, – это когда объекту предлагается то, что он ищет.

Хочу отметить, что подстава – не самоцель, а промежуточное звено в цепи планируемых мероприятий. В случае если она имеет положительную перспективу развития, спецслужба переходит к осуществлению следующего этапа разработки: к добыванию информации, к вербовке, к вводу в разработку другого агента и (или) оперативного сотрудника, или к компрометации.

Подстава имеет одно неоспоримое преимущество: инициатива установления контакта принадлежит объекту, а агенту остаётся лишь не отвергнуть её. Другими словами, объект набирается в друзья к агенту, а не наоборот. Это тем более важно, если объект в силу своей профессиональной принадлежности постоянно находится на чеку или чрезвычайно осторожен по складу характера.

На семинарах нам предстоит проанализировать наиболее яркие примеры САВРО из практики отечественных и иностранных спецслужб.

Прежде чем вы осмыслите подготовленный мною материал, хочу пояснить, что «*медовая ловушка*» на жаргоне англо-американских спецслужб означает использование сексуально привлекательной женщины – «*ласточки*» – в роли обольстительницы при вербовочной разработке, либо компрометации объекта заинтересованности разведки или контрразведки.

Заключительный этап «загона» объекта в «*медовую ловушку*», то есть его вступление в половую связь с «*ласточкой*», как правило, фиксируется с помощью фото– или видеосъёмки для последующего оказания на него психологического воздействия.

И ещё. В отечественных спецслужбах операция, аналогичная «*медовой ловушке*», называется «*ловлей на живца*», а агентесса-обольстительница – «*наживкой*».

Напоминаю, что непреложным условием участия в семинарских занятиях является полная самоотдача. А искренность вопросов и ответов в ходе свободной дискуссии, вообще, вне обсуждения...

Итак, приступим!

«Медовая ловушка» для посла. Игры патриотов

Известно, что громкие скандалы о провале какой-либо разведки свидетельствуют, прежде всего, о глубине её проникновения в секреты противоборствующей державы. Как говаривал «Моцарт разведки» Аллен Даллес: «*Об успешных операциях спецслужбы помалкивают, а их провалы говорят сами за себя*».

Скандалы в Англии сначала вокруг имени Кима Филби, а затем и остальных членов «кембриджской пятёрки», или в ФРГ вокруг имени Гюнтера Гийома, советника канцлера Вилли Брандта, свидетельствуют, что советская разведка умела забраться в иноземный ларец за семью печатями.

Тот факт, что наша внешняя разведка не имела грандиозных скандальных провалов во Франции, вовсе не доказательство неуязвимости её секретов или отсутствия к ним интереса со стороны советских спецслужб. Франция никогда не была ни для КГБ, ни для ГРУ объектом второстепенных разведывательных устремлений. Франция, пятая держава мира, и вдруг – на втором плане геополитических и разведывательных интересов СССР? Такого быть не могло, потому что быть не могло *никогда!*

Не кто иной, как советская контрразведка – именно контрразведка, а не разведка, – в конце 50-х прошлого века с успехом использовала стремление генерала де Голля во время его «второго пришествия во власть» к независимости от держав Западной Европы, прежде всего, от Англии.

Соответствующие службы СССР использовали эту потребность президента к независимости настолько эффективно, что возвели между ним и НАТО стену отчуждения и, в конце концов, на целое десятилетие, пока находился у власти генерал де Голль, ослабили Атлантический военный альянс.

Под непосредственным руководством и при личном участии начальника Второго главного управления (центральный контрразведывательный орган КГБ СССР), генерал-лейтенанта Олега Михайловича Грибанова, был завербован посол Франции в Москве мсье Морис Дежан.

Разумеется, подписку о секретном сотрудничестве у посла не отбирали и в торжественной обстановке оперативного псевдонима не присваивали. Явок, в классическом понятии этого слова, то есть на конспиративных квартирах, с ним не проводили. Обучения технике пересямки секретных документов на курсах без отрыва от производства он не проходил. Денег в конвертах за свои услуги не получал и, тем не менее, советским агентом посол являлся. Морис Дежан, как сейчас принято в среде профессионалов называть негласных помощников такого калибра, был *агентом влияния*.

В современной практике всех спецслужб мира агент влияния не вербуется, он приобретает, завоевывается, воспитывается терпеливо, ненавязчиво, заботливо, даже услужливо. Всё это делается строго конспиративно, чтобы он – объект вожеланий спецслужбы – ничего не заподозрил.

Ещё более конспиративную форму должно иметь финансирование подобных акций. Как правило, агентов влияния приглашают на различные международные конференции, заседания Обществ дружбы с различными странами, где их выступления-лекции оплачиваются по самым высоким расценкам, им предоставляется возможность опубликовать свои статьи и даже книги в зарубежных издательствах и т. д., но грубый прямой подкуп не допускается ни в каком случае.

* * *

Работа по Морису Дежану, история которой в наши дни насчитывает 55-летний юбилей, конечно, велась не так изошрённо, как если бы её проводили сегодня. Но она была-таки проведена, а посол влиял, да ещё как! Например, на принятие де Голлем решений по многим внешнеполитическим вопросам, прежде всего, по вопросам участия Франции в НАТО. Не без рекомендаций Дежана де Голль вывел свою страну из Атлантического военного альянса, определив в нём присутствие Франции лишь в роли наблюдателя.

Смена внешнеполитического курса деголлевской Франции по отношению к её партнёрам по НАТО была огромной победой СССР, весомый вклад в которую внёс Морис Дежан.

...Планируя вербовку Дежана в качестве агента влияния, генерал Грибанов учитывал не только деловые качества французского дипломата, но и его долгую дружбу с де Голлем, которая началась ещё со Второй мировой войны, когда они были участниками движения Сопротивления. Президент Франции с вниманием относился к точке зрения своего соратника и очень дорожил его мнением по самым различным вопросам международной политики.

Справедливости ради надо сказать, что были и другие фигуры из числа высокопоставленных французских дипломатов, сотрудников посольства в Москве, которые рассматривались КГБ в качестве потенциальных кандидатов на вербовку, но их предложения и советы по поводу политики Франции в отношении СССР и НАТО не имели такого влияния на формирование мнения французского президента, как это было в случае с Морисом Дежаном.

От подставы – к «медовой ловушке»

Чтобы вовлечь посла в орбиту КГБ, был использован такой простейший способ вербовки, с успехом используемый всеми спецслужбами мира, как подстава ему «ласточки» – агентессы, выступающей в роли обольстительницы.

Действительно, зачем мудрствовать лукаво, если было известно, что Морис Дежан, пятидесятилетний элегантный мужчина, не прочь завоевать расположение красивых славянских женщин, чему свидетельствовали его многочисленные попытки посягнуть на их очарование, вплоть до откровенных предложений о вступлении с ним в любовную связь. С учётом этих обстоятельств, посол просто не мог не стать мишенью Комитета госбезопасности СССР.

Кто-то ведь всегда старается сильнее! КГБ старался сильнее, хотя в общей сложности вербовочная разработка французского дипломата, под кодовым названием «ГАЛАНТ», длилась около трех лет, и в ней были задействованы десятки гласных и негласных сотрудников. Хотя в массе это был народец, игравший роль листьев, окаймлявших изысканный букет. Держались они тихо, так как в званиях были невысоких, и поэтому говорили, словно шуршали, и смеялись в кулачок над шутками режиссёра-постановщика – генерала Грибанова и основных актёров действия – Сергея Михалкова, его жены Натальи Кончаловской и некой Ларисы (Лоры) Кронберг-Соболевской, которой было назначено Грибановым сыграть ключевую роль в вербовочной разработке посла...

* * *

В один прекрасный день Грибанов решил, что сентиментальный роман, развивавшийся уже несколько месяцев между Морисом Дежаном и Кронберг-Соболевской, пора дополнить чисто плотскими отношениями.

Время, выбранное для этого, было вполне подходящим: жена посла, госпожа Дежан, убыла из Союза на отдых в Швейцарские Альпы. Объект остался в одиночестве.

В Москву был срочно вызван некто Муса. Персонаж без роду и племени, он в тридцатые годы работал по тюрьмам НКВД палачом, расстреливая «врагов народа». Кроме Мусы в столицу был доставлен бывший уголовник, который в своё время использовался подручными Лаврентия Берия в качестве профессионального убийцы-ликвидатора. Ему предстояло сыграть роль мужа Лоры, который якобы неожиданно вернулся домой из командировки.

Соболевская, следуя линии поведения, отработанной ей генералом, в общении с «душкой Дежанчиком» постоянно жаловалась ему на жестокость и патологическую ревность своего «мужа».

Всем троим – Мусе, ликвидатору, ну и, конечно, Лоре предстояло сыграть главные роли в мизансцене по слождению воли французского посла.

В день проведения акции Грибанов собрал всю «штурмовую группу» в одном из номеров «люкс» гостиницы «Метрополь».

Расположившись за богато уставленным разносолами столом, ликвидатор, Муса, Соболевская и ещё пара оперов из группы поддержки, неотрывно глядя на Грибанова, внимали каждому произнесённому им междометию.

«Я хочу, чтобы вы его сломили, – обращаясь к Мусе и ликвидатору, с пафосом произнёс генерал. – Сделайте так, чтобы Дежан по-настоящему почувствовал боль. Наведите на него ужас. Но Боже упаси вас оставить хоть малейший след на его лице. Я вас сгною в лагерях!»

* * *

Всё происходило на третьем этаже жилого дома № 2 на Ананьевской улице.

Квартира, где предстояло разыграть спектаклю, была «под завязку» напичкана спецтехникой – аудио-, кино- и фотоаппаратурой. Вокруг дома – специальные посты наблюдения из сотрудников КГБ в штатском и переодетых в милицейскую форму.

Псевдомуж и Муса, выступавший в роли его приятеля, извлекли голых Дежана и Лору из постели и начали с остервенением лупить француза. Строго следуя указаниям генерала, били не по лицу, а в область сердца, печени и почек.

В пылу потасовки досталось и Лоре, которая без устали кричала:

«Прекратите! Вы убьёте его! Это же посол Франции! Что вы делаете?!»

Со своей стороны псевдомуж кричал, что подаст на совратителя своей жены, то есть на посла, в суд.

Дежану, в конце концов, удалось выскользнуть из квартиры – это было предусмотрено сценарием Грибанова – и в сопровождении своего шофера добраться до посольства.

Плата по кредиту

В тот же вечер Морис Дежан должен был встретиться с Грибановым, который находился с послом в прямом контакте, выступая в роли советника председателя Совмина СССР по фамилии Горбунов, чтобы обсудить с ним ряд межгосударственных проблем.

До них дело так и не дошло, потому что весь вечер Грибанов и Дежан обсуждали личные проблемы последнего, который, ничего не скрывая, сказал:

«У меня серьёзные неприятности. Мне нужна ваша помощь».

После чего поведал о своих злключениях и попросил вмешаться, чтобы «муж» Лоры забрал из милиции свое заявление.

Вот тут-то генерал Грибанов и посадил посла «на крючок». Но виду не подал, а с показной заинтересованностью вникал во все перипетии им же и подготовленной драмы...

«Тайна», в которую Дежан посвятил Грибанова, привела к установлению между ними особых отношений.

Посол чувствовал себя одновременно признательным и обязанным своему новому другу из Совета Министров СССР: ведь «муж» Лоры в конце концов согласился забрать своё заявление, а Грибанов впредь ни единым намеком не пытался напомнить Дежану о той кошмарной ситуации, в которую бедняге «случайно» довелось угодить.

Теперь глава французской дипломатической миссии в Москве стал по всем вопросам консультироваться с Грибановым, ведь тот, как-никак, был советником председателя Совмина Никиты Хрущёва!

Поэтому француз считал чем-то само собой разумеющимся обсуждение со своим русским другом различных аспектов международной политики Франции, особенно её отношения с СССР и членами НАТО.

По всем затрагиваемым в беседах проблемам посол давал исчерпывающий расклад, дополняя его собственным мнением и прогнозами. Иногда он даже предостерегал советскую сторону от каких-то неверных, на его взгляд, шагов. Кроме того, в непринужденных беседах с Грибановым Дежан делился своими суждениями о поступках, деловых и личных качествах других западных дипломатов, с которыми он поддерживал отношения в Москве, пересказывал свои с ними беседы, сообщал об их планах в отношении Советского Союза.

В свою очередь Грибанов через Дежана доводил до де Голля то, что было выгодно СССР, что отвечало позиции советского правительства на международной арене. А в качестве вознаграждения послу неоднократно предоставляли возможность изложить своё видение международной ситуации на полосах советских периодических изданий. За что, разумеется, ему выплачивались огромные гонорары в твёрдой валюте. В дни национальных праздников Французской Республики генерал Грибанов от имени советского правительства преподносил агенту дорогие подарки: пасхальные яйца работы учеников Фаберже, ювелирные украшения для мадам Дежан...

Это продолжалось в течение шести лет до сентября 1963 года.

То, что президенту де Голлю стало известно о роли Мориса Дежана в деле откола Франции от НАТО, объясняется заурядным предательством.

Посла как сверхценного источника КГБ «сдал» англичанам некто Кротков Юрий Васильевич – агент экстра-класса НКВД – КГБ, один из основных действующих лиц в вербовочной разработке Дежана.

В то самое время, когда Кротков передавал сотрудникам Сикрет Интеллидженс Сервис известные ему подробности вербовочных подходов к Дежану, КГБ через свою агентуру в окружении де Голля стремился убедить его, что англичане плетут интриги за его спиной, пытаются вернуть Францию в лоно НАТО, и что речь идёт о заговоре лично против него, потому что англосаксы хотят связать его имя с нестоящим выеденного яйца случаем, представляя его как международный скандал...

В конце концов Комитету госбезопасности это удалось. Франция при де Голле так и не вернулась в Атлантический военный альянс.

Последнее свидание проштрафившегося посла с президентом отличалось беспрецедентной краткостью, ибо заключалось в одной лишь фразе де Голля:

«Итак, Дежан, женщины приносят наслаждение?»

Впрочем, о том, что отношение де Голля к провинившемуся дипломату до конца его жизни оставалось лояльным, может свидетельствовать тот факт, что Дежан не подвергся никаким санкциям, просто был отправлен в отставку, став одним из руководителей ассоциации «Франция – СССР», где проявил себя активным сторонником улучшения взаимоотношений между двумя странами.

Параллельно, будучи назначен генеральным директором небольшого завода по производству советских часов «Слава» в г. Безансон, он выступал за развитие экономического сотрудничества с Советским Союзом.

...Умер Морис Дежан в Париже 14 января 1982 года в возрасте 82 лет.

В некрологе, опубликованном в газете «Монд», коллега Дежана, посол Эрве Альфан, отдал последнюю дань уважения его памяти, особо отметив его замечательную политическую прозорливость. Статья заканчивалась следующими словами: «...затем он был в течение восьми лет послом в Москве, где, по выражению генерала де Голля, “достойно и с честью представлял интересы Франции”».

Таким образом, есть основание утверждать, что Морис Дежан был полностью реабилитирован в глазах общественного мнения Франции...

– Товарищи офицеры! Для закрепления озвученного мною материала старосте группы старшему лейтенанту Казаченко я выдал «Информационный бюллетень КГБ СССР», где изложены детали операции «ГАЛАНТ», то есть загона французского посла в «медовую ловушку». После перерыва обсудим...

Король розыгрышей

– Итак, товарищи офицеры, кто из вас смог бы завербовать такого агента влияния, как посол Франции в Москве? – войдя в аудиторию и на ходу гася ироничную улыбку, задал вопрос Козлов. – Кто хочет высказаться? Казаченко? Вам слово, старший лейтенант!

– Ну, в одиночку, конечно, я не смог бы, но с таким шефом, как генерал-лейтенант Грибанов, – справился бы! – выходя из-за стола и застёгивая пиджак на все пуговицы, начал Казаченко. – А где он сейчас, что он, товарищ генерал-майор? Мы только из обзора и узнали, что был такой начальник Второго главка...

– Вы правильно делаете, что стоите, Олег Юрьевич. О таких волкодавах контрразведки, каким был Олег Михайлович Грибанов, надо говорить, вытянувшись в струнку! Генерал-лейтенант Грибанов, начальник Второго главного управления КГБ, один из самых ловких «рыцарей плаща и кинжала» всех спецслужб мира, после бегства на Запад капитана Носенко в 1964 году был отправлен в отставку, несмотря на то, что в системе властных координат Комитета занимал одно из ведущих мест. К сожалению, звание генерал-полковника, к которому он так стремился, ему не присвоили. После увольнения Грибанов бесследно сгинул в недрах Совета Министров СССР...

Казаченко *протяжно* смотрел на Козлова, размышляя, как правильное отреагировать на его слова. Наконец нашелся.

– Товарищ генерал-майор, в обзоре ничего не сказано, почему в любовной мизансцене спектакля, разыгранного для посла Франции, на роль роковой обольстительницы Грибанов утвердил неизвестную актрису Лору Кронберг-Соболевскую, а не прославленную Раневскую, ведь сначала он прочил именно её. Что помешало привлечь к вербовочной разработке посла Фаину Георгиевну? Неужели она не приняла предложение Олега Михайловича оказать помощь органам госбезопасности? Верится с трудом...

Козлов посмотрел на часы.

– Ну что ж, времени у нас достаточно... Слушайте и мотайте на ус!

Во-первых, не Грибанов делал Раневской предложение, ибо в противном случае она никогда бы не посмела отклонить его. Олег Михайлович при своём маленьком росте обладал недюжинной гипнотической силой, великолепным даром убеждения, решительностью и бескомпромиссностью, неспроста подчиненные называли его «маленьким Бонапартом»... Да и собеседника он видел, как на рентгене, – насквозь! Так что, сделай он *лично* предложение Раневской вступить в тайный Орден агентов, вряд ли бы она нашла в себе силы отказать ему, а так... Не только отказала, но и выгоду от игры с сотрудником органов госбезопасности поимела...

Знаете, товарищи курсанты, я всегда, как-то бессознательно, сравнивал две персоналии – Фаину Раневскую и Никиту Богословского. И пришел к выводу, что они по своему психологическому складу – близнецы. Оба умеют создавать водевильные ситуации и розыгрыши – это у них в крови. С одним, но весьма существенным отличием. Судить вам, но сначала – небольшое отступление.

Общеизвестно, что многие писатели используют в качестве прототипов своих литературных персонажей реально окружающих их людей.

Художник Левитан даже хотел стреляться на дуэли с Чеховым, узнав себя в художнике-сердцееде из «Попрыгуньи».

Сегодня уже не секрет, что в авторе «Гаврилиады» – Ляписе – Ильф и Петров вывели Маяковского, не гнушавшегося поставлять праздное стихотворное чтиво профсоюзным журналам, а «загадочная» Хина Члек – возлюбленная «глашатая революции» – Лиля Брик.

А вот известный композитор Никита Владимирович Богословский, наоборот, никогда не позволял себе снисходить до масок – он работал с персонажами напрямую, как хирург в операционной. И даже теснее, потому что работал без перчаток!

Богословский – непревзойденный мэтр розыгрышей, это у него в крови. Уж он кого только не разыгрывал, над кем только не куражился, выставляя на всеобщее осмеяние! Причём, хотя и делалось всё это элегантно-остроумно, но всё-таки было в них, в этих чертовски остроумных розыгрышах, нечто от Мефистофеля. Возможно, потому что в самом Никите Владимировиче каким-то невероятным образом сочетались юношеский романтизм с мефистофельским цинизмом.

В полной мере к Богословскому применимо выражение Оскара Уайльда:

«Что есть джентльмен? Джентльмен – это человек, который совершает поступки, недостойные джентльмена, но совершает их по-джентльменски!»

И ещё. Розыгрыши Богословского я оцениваю как самоцель, ибо подавляющее их большинство бескорыстно – он с них материальных выгод не имел, а моральные и вещественные издержки разыгрываемого – не в счёт.

А вот то, что устраивала Фаина Георгиевна, я бы не розыгрышами – трюками назвал. Потому что они, как правило, были направлены на приобретение каких-то материальных благ, на создание комфортных условий для своего движения по жизни. Впрочем, я лично не вижу ничего в этом противоестественного... Борьба за выживание! И Раневской, как никому из ее коллег, приходилось-таки драться, чтобы выжить. И на сцене, и в быту...

Чтобы проиллюстрировать мои наблюдения, приведу несколько примеров из коллекции розыгрышей Богословского, а вы потом сравните их с тем трюком, что устроила Фаина Георгиевна, когда с нею общался подчиненный генерала Грибанова...

Как только в 1952 году в центральной прессе появилось сообщение, что композитору Соловьеву-Седому за песню «Подмосковные вечера» присуждена премия в 10 тысяч рублей, Никита Богословский направил от его имени заявление в бухгалтерию Союза композиторов СССР. Просил перевести гонорар в отделение связи, обслуживавшее его дом в Художественном проезде.

Получив деньги, Никита Владимирович с усердием начал пропивать их. По русской традиции *на троих*. Событьчиками Богословского выступили поэт Михаил Светлов и писатель Юрий Олеша. Первые тосты произнесли за гений Соловьева-Седого и за талант Богословского... подделывать подписи.

Но недолго музыка играла!

Обманутый композитор, получив в бухгалтерии адрес почтового отделения, куда был перечислен гонорар, сразу всё понял и ринулся к Богословскому. Тому ничего не оставалось, как вернуть деньги, а за свою находчивость получить от Соловьева-Седого пол-ящика водки и продолжить возлияние с событьчиками.

Инцидент, благодаря стараниям автора «Подмосковных вечеров», широко обсуждался московским бомондом.

Нашлись в той среде и юристы, объяснившие Никите Владимировичу, что подделка чужой подписи может привести к конфликту с Уголовным Кодексом.

Наставлениям юристов Богословский не внял, подписи подделывать не перестал, а друзей и недругов разыгрывал ещё более дерзко и изощрённо. Хотя формально к розыгрышам не имел ни малейшего отношения – всё делал от имени официальных инстанций.

Идём дальше...

Звонит как-то Богословский актёру Царёву от имени министра морского флота – просит разрешения назвать его именем океанский лайнер. Но одно условие – согласие парткома театра. На следующий день перезванивает, извиняется, говорит, что Политбюро ЦК решило присвоить лайнеру имя героя революции, но есть пароход поменьше. Актёр вновь идёт в партком...

Так, снижая тоннаж и значимость судна, в конце концов, предложил дать имя Царёва какому-то катерочку-дерьмовозу...

Когда курсанты перестали смеяться, Козлов невозмутимо продолжил:

– Или вот еще пример богословского розыгрыша...

У писателя Виталия Губарева была манера позвонить и объявить, что вечером придёт в гости. Не спрашивая, ждут ли его, свободен ли хозяин. Очередной его визит Богословский встретил во всеоружии: заехал в Радиокomiteeт к Юрию Левитану и упрямил его наговорить текст. Полну горницу гостей созвал на вечер. Губарев не заставил себя ждать – тут как тут. Сидят, выпивают... Композитор сделал вид, что включил радиоприёмник, на самом деле – магнитофон. Неповторимый голос Левитана:

«...в области драматургии присудить: Лавренёву Борису Андреевичу – Сталинскую премию третьей степени... Губареву Виталию Георгиевичу за пьесу «Павлик Морозов» – Сталинскую премию третьей степени...»

Шум, гам, поздравления...

Счастливый Губарев мчится, ног под собой не чуя, в магазин за шампанским, фруктами. Пир разгорается с удвоенной силой... Кто-то предлагает послушать «Последние известия» целиком. У Богословского припасена ещё одна запись. Вновь Левитан перечисляет фамилии награждённых и заканчивает выступление словами:

«Губареву Виталию Георгиевичу за пьесу “Павлик Морозов» – них!..»

Когда смех стих, Козлов невозмутимо продолжил:

– Никита Владимирович был неистошим на розыгрыши... И вы это сполна оцените, когда узнаете ещё об одном...

В начале 1970-х актер Станислав Садальский, персонаж тщеславный и предприимчивый, перебравшись из Ярославля в Москву, прилагал неимоверные усилия, чтобы пролезть в элитный клуб мэтров кино, да и вообще, стать своим в столичной творческой тусовке. Походя хлопнуть пониже спины какого-нибудь мартинсона или жарова, а потом об этом растрезвонить на весь свет – смотрите, какой я крутой! – это было в духе Садальского.

В попытках проникнуть в круг избранных и стать запанибрата со звездами экрана ему помогала актриса Римма Маркова. Будучи значительно старше, она патронировала Садальскому, как родному сыну, и, надо отдать ей должное, стала той ракетой-носителем, что вывела его на московскую орбиту. Искренне веря, что юному дарованию не хватает лишь влиятельных связей и знакомств, чтобы занять свою нишу в гламурном мире, Маркова не упускала ни одной, даже заведомо провальной возможности, чтобы протолкнуть его в свет.

Зная, что сливки столичного бомонда обычно собираются у Богословского, Маркова донимала его просьбами пригласить Садальского к себе на какой-нибудь раут, званый ужин или просто на посиделки со знатными и великими. Этим она и композитора достала и неприязнь внушила к своему протеже.

Делая вид, что уступил домогательствам Марковой, Никита Владимирович не отказал себе в удовольствии и устроил розыгрыш, где осмеянной, нет! – одураченной и одиозной фигурой стал её подшефный...

Считаю, что Богословский задумал и провёл эту акцию не столько из любви к жанру и не только потому, что следовал своей традиции опробовать клинок на новой фактуре. Нет! Думаю, что мотивы, которыми он руководствовался, были иного свойства. И вот почему. Будучи наслышан о Стасике-карасике как о беспримерном скандалисте и переносчике сплетен, Никита Владимирович решил наказать его, выставив дураком. Чем, надо полагать, нимало

потрафил недоброжелателям Марковой и Сададьского, а заодно и вызвал зависть у своих соперников-пересмешиков...

Но если бы на розыгрыше всё закончилось, так нет же! То, что Сададьский после инцидента стал *persona non grata* для тусовок московской золотой молодёжи, – полбеда. Хуже другое – его на пушечный выстрел перестали подпускать к московским великосветским салонам – местам заседаний ареопага самых авторитетных деятелей театра и кино, в которых так нуждался Сададьский для продвижения по рампе и по жизни...

Было так.

2 сентября 1973 года исполнилось 40 дней траурной дате – смерти поэта-песенника Михаила Исаковского. Сороковину решили отметить в хлебосольном доме Никиты Владимировича.

К 16 часам на квартире Богословского собрался цвет столичной и союзной интеллигенции – генералы и маршалы от литературы, музыки, театра и кино. Все – в чёрных костюмах, белых рубашках, при галстуках, как и подобает скорбности момента. Сидят, чинно произносят речи и тосты, в меру пьют, обильно закусывают.

Как вдруг ровно в 17 часов в квартиру, сменяя челядь, что прислуживала за столом, ввалился Сададьский с гармошкой-двухрядкой и с двумя девками в изрядном подпитии. Но венец картины под названием «Не ждали» в другом: Стасик явился... в костюме дятла! С головы огромный чёрный клюв свисает, сам он в чёрное спортивное трико одет, а крылышки, как у цыпленка-табака, сзади, из спины торчат. Девки, наоборот, во всё белое вырядились, голубок изображают...

Шум, гам, песни, пляски в одном конце комнаты. Недоуменные взгляды и каменные лица – в другом. И так – минуты три продолжалось. Пока из-за стола не поднялся Ян Френкель, да как гаркнет:

«Это что за маскарад, мать вашу?! А тебя, дятел-долболом, я узнал... Ну-ка, вон отсель, чтоб духу твоего не было, а не то я те клювик враз обломаю!»

Стасик смешался. Клювиком, что на голове, пытается лицо закрыть, а девки – хоть бы хны! – пляшут и орут: «Любо, братцы, любо, любо, братцы жить, с нашим Богословским не приходится тужить!»

Тут уж цвет и гордость отечественного искусства не выдержали. Все разом из-за стола, да на троицу – прыг. Задали им такого трепача, что только крылышки чёрные да белые по комнате разлетелись! Спровалили троицу удалую и обратно – к столу. Смотрят на хозяина, а в глазах немой вопрос. А он сидит, беззаботно курит и привычной своей загадочно-ироничной улыбкой улыбается. Наконец расщепил уста и молвил: «По этому поводу, господа, Оскар Уайльд сказал так: *“Чтобы пробиться в высшее общество надо либо кормить, либо развлекать, либо возмущать”*».

Ну, что вы хотите от выпускника Ярославской филармонии? Чем богат этот убогий, тем и рад... А впрочем, он поступил в соответствии с афоризмом великого “голубого” англичанина: *возмутил* всех нас, не так ли, господа?»

С тех пор дорога Сададьскому в самые знатные дома Москвы была заказана...

...Козлов, пытаясь определить реакцию на свой рассказ, хранил молчание и *протяжно* смотрел на курсантов. Только вот улыбались они чересчур натянуто. До конца выдержать паузу генералу не дал вскочивший из-за стола Казаченко.

– Леонид Иосифович, а где же розыгрыш, в чём фишка?

– Фишка в том, что Богословский пригласил Сададьского на бал-маскарад. Предложил нарядиться дятлом, так как другие костюмы, мол, уже разобраны, а чтобы выглядеть значительнее, посоветовал взять с собой пару девиц, наряженных голубками. И время назначил: семнадцать ноль-ноль, когда все именитые уже будут за столом...

Козлов, дождавшись, когда стихнет смех, продолжил:

– Должен заметить, товарищи офицеры, что все озвученные мною примеры из коллекции Богословского – лишь проказы школьника в сравнении с розыгрышем, где «мальчиком для битья» предстал Сергей Михалков...

– Дядя Стёпа?! – Казаченко удивленно вскинул брови.

– Он самый...

Сейчас уж никто и не вспомнит, как и почему между Богословским и Михалковым кошка пробежала. О причинах конфликта можно дискутировать сколь угодно долго, но всё это будет на уровне гипотез, а истины не знает никто...

Возможно, они в молодые годы не поделили какую-то барышню, как знать? Ведь оба слыли неужёнными ловеласами – ни одной юбки не пропускали!

Не исключено, что неприязнь Богословского к Михалкову была вызвана тем, что тот был всячески обласкан предрержащей властью: три Сталинские премии 1-й степени, Госпремия, Ленинская премия, звание Героя Соцтруда, целый иконостас орденов и медалей, ну и прочее... А Богословский? Он продолжал ходить в рядовых композиторах, и никаких ему Госпремий и званий! Лишь в 1973 году, к его шестидесятилетию, Министерство культуры решило облагодетельствовать композитора, присвоив ему звание народного артиста РСФСР. И это притом, что закрома отечественной культуры, благодаря архиплодovitой творческой деятельности Богословского, пополнились более чем 200 песнями, двумя десятками опер и оперетт, симфониями...

Забегая вперед, скажу, что когда Никите Владимировичу стукнуло 85, то вдруг президент Ельцин пожаловал ему орден «За заслуги перед Отечеством» 4-й степени.

Награждение Богословский воспринял с присущим ему юмором: «Орден 4-й степени? Да это же намёк на мой возраст! Я – осётр 4-й степени свежести...»

– Острым на язык был мужик! – восхищенно произнес Казаченко.

– Не без этого, впрочем, острый язык – лишь гонец интеллекта... В 1970 году, вслед за назначением Михалкова председателем правления Союза писателей СССР, в Комитет поступила анонимка. Автор сообщал, что всем членам правления стало известно, что Сергею Владимировичу за плодотворную работу на органы госбезопасности пожалован чин генерала. Его, дескать, даже кто-то видел в окне личного кабинета на Лубянке, когда он облачался в генеральский мундир, увешанный орденами и медалями. Каждый год 20 декабря – в день создания органов ВЧК – КГБ – Михалков собирает в своём кабинете особо приближённых лиц и первый тост произносит во славу органов госбезопасности, заявляя, что себя тоже считает чекистом...

Для руководства Пятого (идеологического) управления КГБ СССР, которое в то время держало под прицелом всю интеллигенцию страны, в том числе и творческие Союзы писателей, композиторов, художников, не было секретом, что распространителем слухов о принадлежности Михалкова к органам гэбэ (что соответствовало действительности!) является композитор Богословский.

В КГБ восприняли анонимку как очередной розыгрыш Богословского, несмотря на то, что исполнена она была не рукой композитора. А всё потому, что Никита Владимирович хорошо знал, что такое графология, и как умело ею пользуются эксперты Пятого управления. К тому же, юристы предупреждали...

Как оказалось, анонимка была лишь пристрелочным выстрелом, а «огонь на поражение» не заставил себя ждать.

Широко известен розыгрыш Богословского, когда в результате многоходовой головоломной операции, задействовав своих знакомых из Министерства связи, друзей-писателей и композиторов, он направил в адрес руководства Союза писателей СССР поздравительную телеграмму от имени Президиума Верховного Совета Союза ССР. Всё – чин чином, бланк правительственный, подписи на месте – придраться не к чему!

В телеграмме сообщалось, что через месяц Сергею Владимировичу Михалкову будет присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и Золотой медали. Учтено было даже время поступления телеграммы в правление Союза писателей – она пришла, когда Михалков находился в отпуске и был недосыгаем и, главное, – в блаженном неведении!

В телеграмме предлагалось провести чествование новоиспеченного Героя широко, не считаясь с затратами, придав событию достойный случаю мощный общественный резонанс.

После этого во всех творческих Союзах пошли обсуждения, пересуды, обмен мнениями. Все ждали возвращения кандидата в юбиляры...

Ко времени возвращения Михалкова в Москву вся столичная богема уже свыклась с тем, что награждение неминуемо.

На этом и был построен богословский расчёт: чем больше людей будет знать о предстоящем награждении, тем больше будет звонков и поздравлений в адрес юбиляра. Как следствие – тем больше он сам уверует в то, что награждение – не блеф, но явь, которая вот-вот обретёт реальные очертания в виде золотого пятиконечника звезды рядом с орденским платиновым барельефом Вождя на лацкане пиджака...

Через день-два после возвращения Сергея Владимировича из отпуска к нему в кабинет явилась представительная делегация из маститых писателей, литераторов и композиторов во главе с первым заместителем Марковым.

Он выступил вперед и от имени присутствующих произнёс панегирик, по окончании которого прозрачно намекнул, что наиболее преданные юбиляру и социалистическому реализму творческие работники не отказались бы выразить свою радость во время застолья.

Михалков с готовностью достал из шкафа *дежурную* бутылку коньяка.

«Ну, нет, Сергей Владимирович! Бутылкой коньяка вы на этот раз не отделаетесь! – запротестовала публика. – Стол, и только обильный стол в хорошем ресторане может стимулировать красноречие поклонников вашего таланта... Тем более, Никита Владимирович Богословский уже положил на музыку здравицу в вашу честь...»

Богословский – сама скромность – притаился серой мышкой в углу и только головой кивал. Всем своим видом старался показать, что он – человек маленький, случайно оказавшийся в этой представительной делегации маститых ходоков...

В общем, то, что тогда Богословскому удалось *выставить из денег* Михалкова, – факт широко известный. Накрыл-таки Сергей Владимирович стол в подмосковном ресторане «Русь»...

Но, повторяю, товарищи офицеры, о том, что Михалков вынужден был устроить банкет по случаю присвоения ему звания Героя, знали все. А вот о том, что произошло там, в банкетном зале, известно было немногим, а сегодня об этом помнят единицы...

Мы за ценой не постоим...

Наталья Кончаловская, жена Михалкова, решила появиться на званом ужине в обновке. Заказала портнихе роскошное платье, ну, там рюшечки, оборочки всякие. Но главное достоинство наряда было в ткани. Ткань, разумеется, импортная, была немислимо дорогой и, конечно же, редкой.

Отоваривался творческий люд в специализированном магазине. Сейчас уж и не вспомню, как он назывался, то ли «Лавка литератора», то ли «Лавка писателя». Доступ туда имели только маститые члены Союза писателей, художников и композиторов СССР. Вход – строго по предъявлении членского билета.

Эта бестия Богословский заранее всё просчитал и, зная, что Кончаловская обязательно пошьёт себе новое платье по случаю выхода в свет, заявился в «Лавку».

Голосом столичного администратора, приехавшего с гастролями в провинциальный городишко, скомандовал:

«Так! Немедленно покажите мне, из какой ткани взяла себе отрез на платье Наталья Петровна!»

«Кончаловская?»

«Ну, а кто же ещё?!» – вскипел Богословский.

«Да вот, – вытаскивая штуку материи из-под прилавка, говорит оробевшая под натиском знаменитого композитора продавщица, – отсюда...»

«Я забираю весь рулон!» – заявил Богословский.

«Да он же немислимых денег стоит!»

«Ничего, – ответил вошедший в раж пересмешник, – Сергей Владимирович нынче при деньгах, они и расплатятся с вами... Сейчас они очень заняты, поэтому поручили забрать оставшуюся ткань *мне!* Вы же сама женщина, и понимаете, каково оказаться в одной компании в двух одинаковых платьях. Тем более, что круг будет очень узким. Не более десяти пар. Вы представляете, что произойдёт, если на ком-то будет такое же платье, как на Наталье Петровне! Это же – конфуз, позор! Она этого не переживет! Давайте, давайте живее всю *штуку!* А деньги, как я вам уже сказал, Сергей Владимирович подвезут на днях...

Кстати, вы разве не слышали, что ему вот-вот должны присвоить звание Героя Социалистического Труда?! Это для нас, рядовых смертных, важнейшим из искусств является искусство достать деньги, а для него – нет!»

«Батюшки святы, радость-то какая! Передавайте наши поздравления Сергею Владимировичу! Но деньги пусть завезёт при первой же okazji!»

«Всепременно-с...»

Надо сказать, что в «Лавке» Богословского знали как постоянного клиента и поэтому верили на слово.

Беспримерный ловелас, он каждую свою новую пассию, – как правило, это были девочки из провинции, – норовил затащить в «Лавку». С одной целью – пустить пыль в глаза провинциалке. Знай, мол, лимита, с кем дело имеешь – передо мной все двери открыты нараспашку. Будешь покладистой и сговорчивой – всей этой роскошью я тебя осыплю!

«Декорации расставлены. Мотор!»

Из «Лавки» Богословский со штукой материи под мышкой помчался в «Русь».

«Когда и в каком зале будет праздновать свой юбилей *Гертруда?*»

«Какая-такая *Гертруда?*»

«Да никакая не *Гертруда*, а Герой Соцтруда Михалков Сергей Владимирович! *Гертруда* – это его последнее прозвище – Герой Труда!»

«А-а... Так это будет послезавтра, в шесть вечера... Вот здесь, в малом банкетном зале...»

«Значит так, милейший! – тоном сержанта сверхсрочника скомандовал Богословский. – Вот вам материя... Сергей Владимирович желают, чтобы зал был задрапирован именно ею! Особенно та часть стены, где он будет сидеть с супругой. Все ясно? Завтра вечером я наведаюсь и проинспектирую, всё ли сделано так, как того пожелал *Гертруда*... Приступайте!»

* * *

Супруги Михалковы – Кончаловские задержались и появились на званом ужине, когда все гости – писатели с жёнами – уже успели устроиться за столом и оживленно обсуждали интерьер. Особый интерес у присутствовавших вызвала драпировка стен банкетного зала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.